

КЛУБ ЗЕМЛЯКОВ

Феодосий, архиепископ Омский и Татарский:

— Если говорить о Юрии Николаевиче, так нужно говорить о том благословенном времени, когда еще была цельная наша епархия — Омско-Тюменская. И когда большую часть времени мы отдавали Тюмени и Тобольску. В это благословенное время к нам приехал отец Александр со своим, как он сказал, добрым, закадычным другом. Так я познакомился с Юрием Николаевичем Малашиным. Цельной натурой. Вот бывает же так: посмотришь на человека — и вроде молчаливый, и вроде немногословный, и не словоохотливый, но вместе с тем даже в молчании своем он был активным участником наших длинных бесед и наших прекрасных планов. А было их великое множество. Наступила перестройка, многое нужно было переосмыслить. Мы вместе ездили в Тобольск. И не единожды. В Тобольске началось наше доброе с ним знакомство. Уже личное. Вместе в Тюмени, вместе в Абалаке и в соборе. Когда дело касалось работы, он был просто неисчерпаемым источником. Эти годы выпадают на время прекрасного паломничества, денного и ночного, когда мы плыли на «Механике Калашникова» — так назывался этот комфортабельный, хороший кораблик. Так вот, плыли мы по Иртышу. Так родилось это наше паломничество с благословенной Абалакской иконой, которую мы с собой возли как благословение. И с духовенством, и с божественной литургией, которую совершали в течение путешествия. Ее потом назвали «Литургией в пятьдесят километров». Мы служили целую службу и за это время проплыли пятьдесят километров. Это было очень трогательно. Помнится встреча в том легендарном месте, где, по воспоминаниям старожилов, случилась гибель Ермака. Там мы служили панихиду по убиенным воинам на поле брани. Не только о Ермаке Тимофеевиче, а о всех многочисленных сыновьях и дочерях всей Сибири.

Были встречи у нас с Юрием Николаевичем и в Омске, тогда еще очень бездуховном городе. Если во всей Тюменской епархии оставалось 94 храма, не разрушенных, не разбитых, правда, используемых под другие нужды, но вместе с тем сохранившихся, то у нас в Омске только четыре, а всех приходо — шесть. Так что здесь нам много помогал господин Малашин. Царство ему небесное. Нам горько было узнать о его последних днях и кончине. Земля ему пухом. Он эту землю очень любил. Он был патриотом не на словах, а в своем действии, в своих прекрасных замыслах. И сколько бы он мог еще творить! В нашем сознании добрая память о нем сохранится до конца наших дней. Он это заслужил.

Евгений Мельников, сценарист:

— Когда я думаю о Юре Малашине, о ранней его смерти, в голову приходят слова почитаемого им Федора Михайловича Достоевского: «Вообще-то, смерти нет. Это нам дано какое-то испытание. Есть только две вещи: ад и рай».

Думаю, Малашин разобрался со Всевышним, ибо вся его жизнь — творческая и бытовая — любовь и нелюбовь. Любовь, в первую очередь, к сотне героев его документальных и игровых картин, вместе с которыми он и прожил, помимо своей, сотню ярких и яростных жизней.

В то же время Малашин был далеко не прост, семицветной палитры не хватило бы для его портрета. А стало быть, и в творческой, и в повседневной жизни была и нелюбовь. И он не скрывал этого.

Итога жизнь Юрия Малашина в кинематографе — а это без малого сотня документальных и игровых картин, — было бы неверно утверждать, что кино — единственная планетная его страсть. Киношная профессия Малашина — сценарист. Это уже более позднее увлечение — режиссура. Причем в большинстве фильмов он же и автор сценария. Юра Малашин был человеком ренессансной культуры. Он многого хотел, многое умел, а главное — у него многое получалось.

22 июня Юрию Николаевичу Малашину — кино-сценаристу, кинорежиссеру, заслуженному деятелю искусств России — исполнилось бы 60 лет.

Воспоминаниями о нем, о совместной работе делаются герои его картин и коллеги — владыка Феодосий (к/ф «Это мы, Господи!»), актер театра и кино Валерий Гаркалин (к/ф «Мастера играть в куклы»), сценарист Евгений Мельников.

«А КОГДА МЕНЯ НЕ БУДЕТ...»

Он, например, был прекрасным профессиональным ювелиром. И в оригинальных, со вкусом сделанных украшениях, щеголяли многие телефильмовские дамы. Он любил рукоделие, сам процесс. И за монтажным столом занимался рукоделием. В его лентах не было ни одной необязательной склейки. Каждый план знал свое место — «здесь стоит, ибо не может иначе». Поразительная пластичность изображения, действующая на зрителя (по себе знаю) с силой и убедительностью, рождена острым ощущением образа мышления и чувствования, быта, среды, привычек и обычаев, вплоть до типов, жестов и походок — целого материка русской культуры.

А еще Малашин был великий игрок. Он играл во все, во что можно было играть, — в кости, карты, нарды, шеш-беш, все не перечислишь. Причем он не был азартен, но вот вовлечь в игру других умел виртуозно. Однажды в Риге, днем, мы пошли всей съемочной группой пообедать в ресторан. Чопорно вежливый официант принял заказ. В ожидании клопа лукового и других изысков латвийской кухни мы трепались ни о чем. Потом как-то незаметно Малашин исчез — ну, мало ли что... Ожидание затянулось. Мы дружно стали вертеть головами, дабы обнаружить своего официанта. Его нигде не было. Но не только его. В зале вообще не было официантов. Публика томилась в ожи-

Юрий Малашин (слева) и оператор Борис Травкин.

В центре Владыка Феодосий и Юрий Малашин.

дании и тоже нервно крутила головами. Кое-что зная о малашинских способностях, я двинулся через кухню в подсобку. Горячие латвийские парни, окружив сибирского режиссера, азартно подбрасывали спичечный коробок, шумно реагируя, ежели он вставал «на попа». Есть такая игра. Я напомнил Юре, зачем мы сюда пришли. Обеденный процесс был восстановлен.

У нас были достаточно ровные отношения. Видимо, потому, что наши интересы пересекались. И ему, и мне были интересны работы Павла Филонова, впервые мы их увидели в августе шестьдесят седьмого года на первой персональной выставке в Академгородке. Неофициально, тайно — а кто бы тогда ему это разрешил! — Малашин снял эту выставку на черно-белую пленку. Материал ждал своего часа. Увы! Время пришло, да Малашина нет.

Юра был книголюб, хорошо знал русскую и переводную литературу. Здесь мы сошлись на Бабеле и Шервуде Андерсене. Вообще Малашин был литературно одаренным человеком. Каждый его кино-

тературных малашинских упражнений.

И еще раз про любовь и нелюбовь. Абрам Терц, он же Андрей Синявский, в книге «Дальняя дорога» писал: «В искусстве — силой любви — вносится неслышимый мотив: "а когда меня не будет...". А когда меня не будет, ты прочти эту книгу. Посмотри эти картины. Отсюда же все разгово-

категории таких людей, которые всегда остро реагируют на происходящее. Есть такой банальный тест: с кем бы ты пошел в разведку или оказался на необитаемом острове? И всегда начинаешь перебирать в сознании людей, которые отвечали бы этим требованиям, тем самым как бы поверяя жизнь другого человека. С Юрием Николаевичем я бы обязательно пошел

в разведку, и на необитаемом острове с ним было бы неплохо.

Когда снимался фильм по наш ансамбль, мы были мальчишки-девочки, юные существа, нам было по 19—20 лет. Мы не соответствовали творческому процессу. Когда включалась кинокамера, заглядывали в объектив: снимает — не снимает? Юрий Николаевич говорил: «Вы не должны смотреть в камеру! Мы снимаем, как вы играете!» Кричал: «Не смотреть в камеру!» Но я помню страшный соблазн туда посмотреть. Делали вид, что мы ее не замечаем, но тем не менее поглядывали. Когда Юрий Николаевич монтировал фильм, говорил, что в каждом плане есть какой-нибудь идиот, который смотрит в камеру. Он учил нас профессионально работать. Картины снимали во время гастролей. Играли каждый день, без выходных, я перегрузил голос, оспил. Думаю: зачем говорить, снимаем немой кадр. А Юрий Николаевич: «Нет, нет, нет! Вы должны быть в форме». Он мне травы приносил, объяснял — вот эту травку надо попить, утеплять мышцы гортани. Отнесся к этому серьезно. Вот эта нежность при его жесткости, при его, в полном понимании этого слова, мужественности. Он был настоящий мужчина. Мужик! Очень большой души человек. ВЕЛИКОДУШИЕ. Редко задумываешься над значением этого слова. А ведь это — великая душа. Душа, которая умеет все понять, все простить. Юрий Николаевич был великодушен.

После турне по Сибири мы поехали на гастроли в Прибалтику — Рига, Вильнюс, Таллин. Съемочная группа поехала вместе с нами. И вот тогда возникла идея снять картину по произведениям сибирских писателей. Где бы был герой, которого я, естественно, исполнял. Он мне тогда сказал: «У тебя замечательное лицо, тебя нужно лепить, создавать, наше кино должно узнать тебя, увидеть...». Ему были интересны какие-то нелепые, парадоксальные черты моего лица. Они ему очень нравились. Он считал — преступление меня не снимать. Какой провидческий взгляд у этого человека! Прошло много лет, и мой типаж стал активно использоваться в кино.

А Юрий Николаевич говорил об этом на заре моей художественной карьеры. И думал о том, как снять меня в игровом фильме. К сожалению, мы не смогли реализовать нашу идею. Он запускался на картину в Сибири, прислал телеграмму с приглашением на съемки. А я к тому времени покинул ансамбль «Люди и куклы», учился в ГИТИСе и работал в театре Образцова. Образцов не разрешал артистам сниматься в кино, исключение делал только Гердту. Образцов говорил: «Если вы можете обойтись без театра, то театр может обойтись без вас». Так как актеры дорожили своим местом, естественно, не снимались. И я не смог. А Юрий Николаевич торопил. Сроки поджимали, натура уходила. Такая, к сожалению, случилась история. Я даже видел этот фильм — «Тайга». Там Болтнев снялся. Еще никто не приглашал его в Москву, еще никто не знал такого актера. А Юрий Николаевич снял его в картину, предчувствуя эту фантастическую карьеру. Потом Андрей вознесся, как комета, в нашем отечественном кино.

В конце прибалтийских гастролей съемочная группа уезжала. Юрий Николаевич сказал: «Пока!». И я его никогда больше не видел. Так устроены наши отношения в этом мире... Почему мы так себя ведем? Хотя на самом деле все могло быть иначе...

Валерий Гаркалин, актер театра и кино:

— Юрий Николаевич, на мой взгляд, не выполнил свою миссию, она недовершена. Все, что связано с его именем, я связываю вообще с художественным процессом. Существовал ансамбль «Люди и куклы». Малашину пришла счастливая идея снять картину об этом коллективе. Мы тогда жили в Кермеве. Работали в филармонии Кузбасса, это был гастрольный коллектив, и мы были гостями Томска, Барнаула, Новосибирска, Академгородка. Юрий Николаевич решил снять картину о нашем ансамбле, как мы живем, работаем, жизнь в гостиницах, за пределами сцены, во время художественного процесса, после спектаклей, поездки, самолеты, поезда. Он был режиссером этой картины. Когда встречаешь человека, который замечательный профессионал в своем деле да еще и интересный сам по себе... Это редкое сочетание. Поверьте мне, проработавшему в кино много лет.

Отношение, которое он вырабатал к работе, к героям картин... Оно было категоричным, не терпящим возражения, достаточно жестким. Гибкость, мягкость служат поводом для равнодушия. Юрий Николаевич принадлежал к